

Сахарная пудра на короне

ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

Эльмира Шабурова

Сахарная пудра на короне

<https://litres.ru/74345082>

SelfPub; 2026

Аннотация

В королевстве запахло не переменами, а жженым сахаром.

Принц Элиан сбегает из золотой клетки дворца, чтобы спасти страну от брака по расчету с княгиней-воительницей, вооруженной фальшивым боевым жезлом. Вместо тайных орденов и древних мечей он находит убежище там, где его точно не станут искать — в душной подвальной кондитерской «Полочка с чудесами», которую открыла дерзкая дочь купца Яра. Она тоже скрывается от прошлого: мачеха пыталась продать её замуж за мешок шерсти, а отец променял любовь дочери на выгодную сделку.

Теперь принц месит тесто по ночам, а бывшая торговка пирожками планирует государственный переворот. Их объединяет общая тайна: магия существует, но она пахнет ванилью. Пока столица бурлит, готовясь к восстанию, а старая королева-княгиня плетет интриги ради вечной молодости, судьба огромной державы решается не на полях сражений, а над чашкой остывшего чая.

Содержание

Пролог. Пыль за бархатной портьерой	4
Глава 1. Побег и сахарная пудра	10
Глава 2. Ночной гость	22
Глава 3. Кухня как убежище	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эльмира Шабурова

Сахарная пудра на короне

Пролог. Пыль за бархатной портьерой

В Большом зале приемов пахло воском, пылью и старыми духами старой княгини Ратирки. Семилетний принц Элиан должен был сейчас сидеть на уроке географии с вечно сонным магистром Витом, но география — это скучные карты, а под тяжелыми складками бордовой портьеры в углу прятаться было весело. Почти как в сказках про лесных разбойников, которые няня читала ему перед сном.

Элиан думал, что взрослые только и делают, что пьют чай из крошечных чашек и говорят о налогах. Но старая княгиня сидела не за столом. Она стояла посреди зала, прямая как палка, хотя спина у нее давно превратилась в вопросительный знак. А рядом с ней клубилось нечто темное.

Ведьма была похожа на ворону: вся в черном, со сморщенным лицом, похожим на печеное яблоко. От нее тяну-

ло сыростью подземелья и жженым сахаром. Принц затаил дыхание, втянув голову в плечи. Сказано же было сто раз: ведьмы крадут непослушных принцев и варят из них суп для драконов. Элиан замер, надеясь, что его атласная туфелька не торчит из-под тяжелой ткани.

— Красота требует жертв, моя дорогая Аграфена, — прокаркала ворона-ведьма. Голос у нее был сухой, как осенние листья. — Твоя дочь плоска, точно доска от старого забора. Ни один жених не посмотрит дважды. Ей нужна стать богини, чтобы удержать то, что принадлежит вам по праву крови.

Старая княгиня кивнула. Ее узловатые пальцы сжимали кружевной платок так сильно, что побелели костяшки.

— Я заплачу любую цену, Мара. Любую. Король обещал мою Ратирку своему сыну. Союз скрепит границу. Но мой мальчик... он пугливый. Он ни за что не пойдет к алтарю с той, кто выглядит простолюдинкой. Ему подавай фарфоровую куклу.

Ведма хрипло рассмеялась, и звук этот прошелся мурашками по спине Элиана.

— Куклу ты получишь. Магия красоты высшего порядка. Кожа — лунный свет, волосы — воронье крыло, глаза — два омута. Мужчины будут падать к ее ногам штабелями. Но жезл мне нужен сегодня. Боевой жезл твоего мужа, который

собирает тучи в грозу. Без него твоя дочь останется просто смазливой дурочкой, а я не разбрасываюсь силой.

Слова были взрослыми, непонятными, гулками. Жезл. Тот самый, огромный, из черного камня, который стоял в королевской сокровищнице под семью замками. Отец говорил, что им можно расколоть гору. Зачем он вороне? Чтобы орехи колоть? Это было бы смешно, если бы не запах гнили, ползущий от подола ведьмы.

Элиану стало страшно. По-настоящему, до дрожи в коленках. Так страшно бывает, когда понимаешь, что пол под ногами внезапно превратился в лед над глубокой рекой. Сказки вдруг перестали быть выдумкой. Сказки оказались злыми, они дышали холодом прямо ему в затылок.

Он хотел выскочить, закричать, позвать стражу. Но ноги словно вросли в паркет. Вместо этого он лишь крепче вжался спиной в пыльную ткань. И тут случилось самое страшное.

Скрипнула дверь. В зал заглянул капитан дворцовой стражи, привлеченный тишиной там, где должна была идти уборка. Ведьма резко обернулась, вскинув сухую руку. Воздух пошел рябью, как вода от брошенного камня. Старая княгиня охнула и осела на пол, схватившись за сердце.

Капитан увидел их обеих. Увидел черный дым, стелющийся по полу. Его лицо вытянулось, он попятился и захлопнул дверь. Через секунду снаружи загрохотали тяжелые сапоги — стражник бежал докладывать королю.

Сердце Элиана стучало где-то в горле. Сейчас все закончится. Ворону посадят в клетку, маму-княгиню пожалеют, а его похвалят за бдительность. Может, даже дадут медовый пряник.

Но ничего не закончилось.

Вечером, когда принца уже нашли сладко спящим под портьерой (магистр Вит получил строгий выговор за потерю ученика), король вызвал сына в свой кабинет. Рядом тяжело дышала старая княгиня, прижимая к груди флакон с нюхательной солью. Капитан стражи стоял бледный, переминаясь с ноги на ногу.

— Ваше Величество! — звонко начал Элиан, соскочив с отцовских колен. — Там была ведьма! Черная! Они меняли мамин жезл на красоту! Честно-честно! У нее еще зубы желтые!

Король тяжело вздохнул и потрепал сына по волосам.

— Успокойся, лисенок. Тебе приснился дурной сон. Мар-

кизиты слишком жирные, кухарки опять переборщили со сливками в десерте. Вот тебе живот и крутило. Ступай к себе.

— Это не сон! — голос Элиана дрогнул, но он упрямо мотнул головой. — Капитан тоже видел! Спросите у него!

Капитан вздрогнул, шагнул вперед и рухнул на одно колено.

— Прошу прощения, сир. Мальчик прав, мы действительно заходили проверить шум. Княгиня почувствовала себя дурно, воздух показался спертым. Никаких ведьм в тронном зале не было. Лишь тени играли на гобеленах. Его Высочеству стоит меньше слушать сказки менестрелей.

Тени. Спертый воздух. Жирные десертные шарики.

Взрослые смотрели на него с жалостью. Даже отец смотрел так, будто Элиан испортил воздух за парадным столом. Никто не собирался искать никакого жезла. Никто не верил.

Принц открыл рот, чтобы крикнуть, что они все врут, что старый капитан боится старухи-княгини, но горло перехватило. Он понял одну очень взрослую вещь: иногда правда звучит настолько глупо, что верить ей опасно для карьеры капитана и спокойствия короля.

Его выпроводили из кабинета. За дверями осталась смеяться старая княгиня, чья красота, кстати, ничуть не изменилась — она всё такой же походила на печеное яблоко.

А семилетний Элиан шел по пустому коридору, глотая злые, бессильные слезы. Он думал, что мир устроен правильно, пока не понял главное: самые страшные чудовища носят титулы, спят на шелковых простынях, и никто никогда не придет на твой крик, потому что твои слова — всего лишь «дурной сон» после жирных десертов. Именно тогда он впервые решил, что однажды сбежит туда, где люди верят своим глазам, а не чужим поклонам.

Глава 1. Побег и сахарная пудра

Сахарная пудра оседала на ресницах белой пылью, щипала глаза и забивалась в ноздри так, что хотелось чихнуть на весь Нижний город. Но Яра не чихала. Она стояла посреди своей кондитерской «Полочка с чудесами» — тесной каморки под самой крышей доходного дома купца Пыжикова — и улыбалась во все тридцать два зуба.

За спиной глухо стукнула дверь черного хода. Там, за три улицы отсюда, в родовом гнезде купеческой гильдии Ярмарочных рядов, сейчас бушевал скандал. Отец, багровый от гнева, наверняка потрясал пустым сейфом. Мачеха Лисавета, женщина с лицом гладким, как лед на реке по первому морозу, театрально заламывала руки, оплакивая украденное приданое падчерицы. Приданое матери.

Яра провела ладонью по тяжелой дубовой столешнице. Столешница была старой, покрытой сеткой мелких шрамов от ножей, впитавшей запахи ванили еще из кухни ее детства. Это был первый пункт списка: «Стол забрать обязательно, без него тесто будет скучать». Вторым пунктом шла кованая чугунная печь, которую пришлось выкупать у пьяницы-кузнеца буквально из-под молота, отдав за нее почти треть мо-

нет из матушкиного ларца. Третьим — медные весы с танцующими чашечками. И четвертым — сама Яра, сбежавшая через окно библиотеки в одной нижней сорочке, закутанная в старый отцовский тулуп.

Она выжила. У нее были стол, печь, пять серебряных монет мелочью и шкатулка из карельской березы.

Шкатулка лежала тут же, на краю стола, бережно укрытая холстиной. Внутри, переложенные ветошью, покоились сокровища: стопка плотных картонных карточек, исписанных бисерным почерком матери. «Суфле из жимолости для дождливого утра», «Пирог примирения с лавандовым медом», «Миндальные полумесяцы для разбитого сердца». Рецепты были живыми. Они дышали корицей и цедрой. Рядом со шкатулкой поблескивал крошечный стеклянный флакон на серебряной цепочке. Амулет-фея. Матушка говорила, что это просто красивая игрушка, память о ее собственной матери, но Яра чувствовала: внутри заперт кто-то очень свое-нравный. Пока фея молчала, лишь едва заметно теплела на груди под сорочкой, когда Яра особенно сильно волновалась.

Первый день самостоятельной жизни пах жженым сахаром и паникой.

Арендодатель, плешивый господин Пыжиков, появился

ровно в семь утра, пока Яра пыталась развести огонь в капризной печи. Он навис над стойкой горой дорогого сукна и чесночного перегара.

— Значит так, девица, — начал он, обводя взглядом голые стены и единственный табурет. — Уговор был на две монеты в седмицу. За крышу, за воду из колонки и за то, что я закрываю глаза на твои сомнительные связи. Ты мне вчера принесла одну. Где вторая?

— Господин Пыжиков, миленький, — Яра вытерла перепачканные в муке руки о передник. Передник тоже был материнским, с вышитыми на кармане васильками. — Вторую монету я отдам в конце недели! Мне нужно закупить муку, масло, яйца... Первая партия товара уйдет только к обеду! Дайте мне встать на ноги!

— На ногах она стоять собралась, — хмыкнул купец, облачиваясь на стойку так, что дерево жалобно скрипнуло. — Ноги у тебя, может, и крепкие, а вот совести нет. Или плати вторую монету сейчас, или собирай свои скляночки. К вечеру здесь будет скобяная лавка моего двоюродного брата. Спрос на гвозди всегда стабильнее, чем на твои пtifуры.

Яра почувствовала, как предательски задрожала нижняя губа. Деньги таяли быстрее, чем мороженое на июльском солнце. Если она отдаст монету сейчас, ей не на что будет купить свежие ягоды. Если не отдаст — к вечеру она окажется на улице вместе со своим столом и печью, которые даже

нельзя разобрать, чтобы унести.

— Хорошо, — тихо сказала она, глядя прямо в маленькие порсячьи глазки арендодателя. — Я отдам вам вторую монету сегодня вечером. Но взамен вы поможете мне затащить на чердак новую партию дров. Одному грузчику платить дороже, чем стоит вся моя сегодняшняя выручка.

Пыжиков задумчиво пожевал ус. Бесплатная рабочая сила перевесила его жадность.

— Полтава ведра воды сверху принесешь, — буркнул он. — И смотри у меня, если до закрытия касса будет пуста...

Он ушел, оставив после себя кислый запах страха. Яра выдохнула. Первый бой выигран. Впереди была война с тестом.

Ночь опустилась на город внезапно, накрыв черепичные крыши тяжелым бархатным одеялом. Нижний город никогда не спал полностью — внизу, в портовых кабаках, пели пьяные моряки, — но здесь, под крышей, царила гулкая тишина.

Яра работала уже шестнадцатый час подряд. Глаза слипались, спину ломило, а кончики пальцев саднило от горячей стали противней. Заказы, которых она так ждала днем, оказались каплей в море. Три корзины ромовых баб ушли чиновникам из магистрата, полка пирожных-корзин с заварным кремом досталась модисткам из салона напротив. Вы-

ручки хватило на оплату аренды, покупку мешка муки второго сорта и четверти фунта настоящего сливочного масла. О прибыли речи не шло.

Тесто для утренних булочек-улиток решительно отказывалось подниматься.

Дрожжи, купленные по дешевке у кривой торговки на углу, оказались мертвыми. Молоко свернулось, превратившись в кислую сыворотку. Яра смотрела на липкую, безнадежную серую массу в деревянной квашне, и впервые за этот бесконечный день ей захотелось сесть на пол и разреветься. Громко, по-детски, размазывая слезы по грязным щекам. Сорок лет назад ее мать точно так же плакала над этим самым тестом, пока маленькая Яра не принесла ей сухую щепку, уверяя, что это волшебная палочка.

Но у Яры не было времени на слезы. До рассвета оставалось четыре часа. Если к открытию на витрине не будет свежей выпечки, господин Пыжиков сдержит свое слово насчет скобяной лавки.

Она зло швырнула ложку в миску. Деревянная ложка обиженно звякнула.

— Да чтоб тебе провалиться! — процедила Яра сквозь зубы, обращаясь к тягучей массе. — Неблагодарная лужа! Я

ради тебя встала в четыре утра! Я перетаскала сорок фунтов муки по крутой лестнице! А ты... ты просто киснешь!

Квашня молчала, источая запах несбывшихся надежд и дешевой ржаной закваски.

Взгляд Яры упал на соседний агрегат — главную виновницу всех бед. Чугунная печь. Огромная, пузатая, крашеная черной краской, которая пузырилась от жара. Ее дверца напоминала рот капризного старика.

Огонь внутри плясал слабо, оранжевыми язычками лижа решетку, но жар упорно не хотел идти внутрь, распределяясь где-то в дымоходе. Каменная плита, на которой должно было румяниться печенье, оставалась мертвенно-серой. Первое утро Яра потратила на то, чтобы понять физику этого чудовища: тяга уходила вбок из-за трещины в задней стенке, о которой промолчал кузнец.

Яра уперла руки в боки. Передник съехал набок, волосы выбились из небрежного узла, лицо покрывала маска из пота и мучной пыли. Она выглядела не как хозяйка respectable кондитерской, а как городская сумасшедшая, разговаривающая с мебелью.

— Ну и чего ты добиваешься? — громко спросила она

у печи, перекрикивая треск поленьев. — Хочешь оставить моих улиток сырыми? Чтобы завтра надо мной смеялся весь квартал? «Смотрите, это та самая беглая дочка купца Ярового, которая кормит людей сырой глиной!»

Она чувствительно пнула чугунную ногу печи босой ногой. Больно не было — башмак спасал, — но жест придал уверенности.

— Думаешь, ты здесь главная? — продолжала наступать Яра. — Ошибаешься! Главная здесь я. Я плачу аренду этому жирному прохвосту Пыжикову! Я покупаю тебе лучшие березовые дрова! Между прочим, угольчики предлагали мне антрацит со скидкой, но я отказалась! Ради тебя, старая перечница! Ради твоего благородного сухого жара! А ты... ты просто завидуешь.

Печь ответила ей протяжным вздохом просевшего кирпича. Яра на секунду замолкла, ожидая подвоха.

— Да, завидуешь! — обвиняюще ткнула пальцем в железную заслонку Яра. — Соседнему кварталу! Булочной старого Мойши! У него печь новая, газовая, магией подпитанная! Нажал рычажок — и готово! Никаких тебе трещин, никакой сажи! Ты думаешь, я не вижу, как ты косишься на их трубу?! Как специально выпускаешь дым именно тогда, когда ветер несет его на их золоченую вывеску?!

Внезапно эта абсурдная ссора показалась ей невероятно смешной. Вся нелепость ситуации — дочь богатейшего человека города, наследница миллионов, стоит ночью в подвале и отчитывает кусок железа за классовую зависть к соседскому очагу — прорвалась наружу.

Яра запрокинула голову и расхохоталась. Смех получился сначала нервным, дребезжащим, а потом перешел в настоящий, освобождающий хохот. Она смеялась над отцом, который считал, что без его денег она сгинет в канаве. Над мачехой, чьи шелковые платья теперь казались тюремной робой. Над собой, добровольно выбравшей эту каторгу ради запаха корицы. Слезы выступили на глазах, но теперь это были слезы облегчения. Они прочертили чистые дорожки по грязным щекам.

Отсмеявшись, она тяжело оперлась о край стола. Усталость никуда не делась, плечи ныли, но страх исчез. Осталось только холодное, злое упрямство.

— Ладно, — миролюбиво сказала она печи, словно извиняясь за резкость. — Допустим, Мойша действительно зазнался со своими круассанами. Но это не повод подводить меня. Нам нужен товар. Людям нужна сладость, иначе они начнут есть друг друга, а муниципальная стража плохо справляется с бумажной работой. Так что давай договорим-

ся. Сейчас ты соберешь всю свою волю, весь свой древний чугунный стыд, и нагреешься до двухсот градусов. А я... я расскажу всем на рынке, что твоя трещина сзади — это вовсе не брак литья, а тайный ход для контрабанды корицы из южных колоний. Сделаем из твоего изъяна эксклюзив. По рукам?

Она протянула руку и погладила горячий бок печи. Металл ответил волной нарастающего тепла. Тяга изменилась, оглушительно загудев в трубе. Воздух в пекарне пошел дрожавшей рябью. Плита начала стремительно розоветь.

Яра удовлетворенно кивнула.

— То-то же. Всегда можно договориться, если перестать быть снобом.

Оставив печь заниматься делом, она вернулась к квашне. Серое, безнадежное тесто всё так же уныло пузырилось. Выкинуть его означало выбросить последние деньги. Яра задумчиво посмотрела на банку с сушеными яблоками, затем на полку со специями.

Матушкины рецепты гласили: если жизнь дает тебе кислое молоко и мертвые дрожжи, сделай вид, что так и было задумано.

Она щедро плеснула в миску темного рома из запасов отца — прощальный подарок из его личного кабинета, единственная вещь, которую она взяла лично у него, пока он орал на приказчиков. Добавила горсть рубленых грецких орехов, щедрую ложку меда и пачку корицы. Затем, поколебавшись, открыла баночку с сушеными лепестками роз.

— Будем считать, что это не ошибка, — пробормотала Яра, энергично замешивая тяжелую массу. — Будем считать, что это пряный хлеб для тех, кому совсем грустно. Для таких же беглецов, как я.

Руки работали сами по себе, привычно вымешивая тугую, ароматную мякоть. Боль в спине стала тупой, фоновой. Запах мокрых орехов, алкоголя и розы медленно вытеснял запах поражения.

Когда первые лучи бледного северного солнца просочились сквозь пыльное оконце под потолком, кухня преобразилась. На стеллажах остывали листы с рассыпчатым печеньем, которое вопреки всему удалось спасти, добавив туда побольше жира. В формах подходил тот самый «пряный хлеб для грустных» — он поднялся высоко, пышно, обзаведшись твердой коричневой корочкой. От печи шел ровный, сухой жар.

Яра села прямо на пол, привалившись спиной к теплой кирпичной кладке. В руках она держала ту самую шкатулку из карельской березы. Она открыла ее, достала карточку с рецептом «Пирога примирения» и прижала к груди. Текст расплывался. Сон наваливался мягкой, тяжелой подушкой.

Скрипнула половица. Яра вздрогнула, хватаясь за деревянную скалку, стоящую у стены. Сердце, успокоившееся было ночью, снова пустилось вскачь. Черный ход? Парадный вход? Пыжиков решил выселить ее досрочно?

Она вскочила на ноги, готовая защищать свою пекарню, свои долги и свое право месить тесто до кровавых мозолей.

Но в дверях кухни никого не было. Лишь сквозняк качнул легкую ситцевую штору, отделяющую торговый зал от подсобки.

Яра шумно выдохнула, прижимая ладонь к груди. Просто дом. Старый доходный дом живет своей жизнью. Она слишком устала, ей мерещится.

Она убрала скалку на место, бросила последний взгляд на ряды будущих эклеров — белых, глянцевых, обещающих сытость и радость, — и поплелась в свой угол за штору. Там, на узкой кушетке, застеленной тем самым отцовским тулупом,

она рухнула, не раздеваясь.

Последней мыслью перед тем, как сон выключил реальность, была совершенно ясная и спокойная уверенность: отец ошибался. Она не пропадет. Потому что там, в большом мире, полно людей с кислым молоком вместо жизни. И им всем очень нужны ее сахарные улитки. Главное — дожить до открытия. Всего три часа сна. Ровно столько, сколько требуется амулету-фее на груди, чтобы нагреться до температуры человеческого счастья.

Во сне крошечная стеклянная фигурка наконец шевельнулась. Тонкая нить магии, невидимая глазу, выскользнула из-под стекла, обвила висящий на стене колокольчик для покупателей и заставила его тихо, успокаивающе тренькнуть. Словно подтверждая расчеты своей новой хозяйки.

Глава 2. Ночной гость

Ночь в Нижнем городе пахла не так, как во дворце. Там, на холме, где стояли мраморные башни и золотые шпили, ночь пахла озоном после магических фонтанов, дорогим табаком из трубок тайного совета и остывающим камнем. Здесь же, в лабиринте портовых улочек, воздух был густым, осязаемым. Он пах дегтем, гниющими водорослями, жареным луком из дешевых трактиров и сладкой ванилью, которая тонкой струйкой просачивалась из-под двери кондитерской «Полочка с чудесами».

Элиан плотнее закутался в воротник своего плаща. Точнее, того, что осталось от его дорожного плаща. Дорогая шерсть превратилась в грязную тряпку, пропитанную потом и дорожной пылью. Правый рукав держался на честном слове и двух булавах, которые он выторговал у слепой торговли лентами за серебряный перстень с печаткой — последнюю вещь, связывающую его с прошлой жизнью.

Бегство из дворца оказалось делом куда более прозаичным, чем описывали в балладах менестрелей. Не было веревочных лестниц из шелка, спускаемых из окна башни влюбленной дамой. Была кухонная дверь черного хода, подкуп-

ленный стражник, получивший вместо золота бутылку паленого рома (от которого к утру наверняка откажут почки), и шесть часов ходьбы по грязи до городских ворот. Ворота он прошел, назвавшись именем младшего помощника конюха, чей пропуск он стащил еще неделю назад. Стражники едва взглянули на помятый клочок бумаги. Зачем проверять бумагомарак, когда можно проверить телегу с контрабандной рыбой?

Первые три дня свободы Элиан провел в доках, прячась в тени бочек. Он быстро понял: свобода стоит дорого. Дороже, чем корона. Она измеряется пустотой в желудке. Вчера ему удалось украсть черствую булку у зазевавшегося голубя, но сегодня даже птицы были начеку.

И тут запах сдобы ударил в нос прямо посреди пустой ночной улицы. Из полуподвального окна подвала лился теплый медовый свет. На витрине, закрытой ставнями изнутри, лежали они. Эклеры. Идеальные, глянцевые, политые шоколадом. Они выглядели настолько вызывающе-благополучно среди этого мира серых камней и нищеты, что казались миром.

Принц облизнул пересохшие губы. Его трясло уже не только от холода, но и от голода — голодного тремора, когда руки ходят ходуном, а перед глазами пляшут темные пятна.

Это была не просто кража еды. Это был вопрос выживания.

Он огляделся. Переулок пуст. Городская стража предпочитает патрулировать освещенные проспекты, сюда они забредают только большими отрядами и исключительно днем. Окно слишком узкое для взрослого мужчины, зато дверь черного хода оказалась приоткрыта ровно на два пальца. Экономия на дровах или забытая спешка? Неважно.

Элиан проскользнул внутрь бесшумно. Этому его учили лучшие наставники королевства — искусству быть тенью. Правда, учителя предполагали, что тенью он будет красться мимо спящих телохранителей врага, а не мимо мешков с сахаром.

В пекарне стоял густой, сонный дух теплого теста, корицы и чего-то цветочного. Посреди кухни возвышалась гора немытой посуды, похожая на застывший водопад. Свет давала одна-единственная свеча, оплывшая почти до основания. За ней, положив голову на скрещенные руки прямо на липкую столешницу, кто-то спал.

Элиан замер. Сердце пропустило удар, а затем загрохотало в ушах набатом. Хозяин? Сторож? Если его сейчас схватят, городская стража повесит на него все нераскрытые кражи последнего месяца, начиная от кошелька судьи и закан-

чивая тем самым пропавшим королевским изумрудом, который он, кстати, не брал.

Нужно уходить. Тихо, медленно, спиной к выходу...

— Только попробуй тронуть мой золотой противень, бродяга, — раздалось из-за горы посуды. Голос был хриплым со сна, но твердым, как закаленная сталь. — И я засуну этот половник тебе туда, откуда солнце никогда не заглядывает в полночь.

Из-за стеллажа поднялась фигура. Женская. Растрепанные рыжие волосы торчали в стороны, словно их хозяйку только что шарахнуло молнией. Лицо перемазано мукой, будто она пыталась нарисовать боевую раскраску дикаря, но уснула в процессе. В руках она сжимала огромную деревянную ложку-половник, которую направила на незваного гостя, как копье.

Элиан инстинктивно вскинул руки вверх. Деревянные ложки тоже оставляют весьма болезненные шишки на макушке, это он знал по урокам придворного этикета.

— Я... я не собирался ничего брать! — выпалил он первое, что пришло в голову. — То есть, собирался, но не то!

Яра (а это была именно она) моргнула, прогоняя остатки

сна. Перед ней действительно стоял вор. Самый жалкий вор во всем Нижнем городе. Одежда висела на нем живописными лохмотьями, один сапог просил каши, обнажив большой палец, покрасневший от холода. От парня пахло дождем, отчаянием и дешевым мужским мылом. Но взгляд... Взгляд был совершенно безумным. Смесь затравленности дворовой собаки и высокомерия породистого жеребца.

— Ты влез ночью в чужую кухню, стоишь над моей квашней с тестом и говоришь, что не собирался ничего брать? — уточнила Яра, перехватывая половник поудобнее. — Тогда объясни мне природу твоего визита. Ты пришел почитать мне стихи собственного сочинения? Учти, если там рифмуются слова «любовь» и «кровь», я применю половник превентивно.

Элиан растерялся. Во дворце на него либо падали ниц, либо пытались отравить. Никто и никогда не разговаривал с ним о природе визитов, угрожая кухонной утварью.

— У меня... социальная неловкость, — ляпнул принц. — Я перепутал адрес. Искал библиотеку гильдии писцов, свернул не в тот переулок, увидел свет...

Яра фыркнула так громко, что пламя свечи испуганно дернулось.

— Библиотеку? Сюда? Сынок, ты бы еще в выгребную яму нырнул искать первый том энциклопедии. Тут воняет не знаниями, а жженым сахаром. И судя по тому, как у тебя трясутся колени, твоя главная библиотека сейчас находится в моем хлебном ларе.

Она приняхалась. Профессиональный нюх кондитера уловил посторонний запах. Голод. Настоящий, звериный, выворачивающий внутренности голод. Такой бывает у людей, которые не ели больше суток.

Половник в ее руке дрогнул и опустился чуть ниже. Угроза никуда не делась, но сменила вектор.

— Так, — вздохнула Яра, опираясь бедром о стол. Свеча бросала глубокие тени на ее уставшее лицо. — Давай начистоту. Ты голоден. Тебе негде спать. И ты понятия не имеешь, как работает нижний город, раз решил грабить единственную приличную кондитерскую в радиусе мили. Я угадала?

Элиан сглотнул. Сопротивляться этому прокуренному голосу и тяжелому половнику было бесполезно. К тому же, живот предательски заурчал, соглашаясь с первым пунктом обвинения.

— Да, — тихо признался он. — Почти.

Лицо Яры внезапно смягчилось. Исчезла суровая защитница своей собственности, осталась просто очень, очень усталая женщина. Она вдруг запрокинула голову и расхохоталась. Громко, искренне, сбрасывая напряжение этой ночи. Смех эхом отразился от кафельных стен.

Элиан сначала вздрогнул, решив, что у нее началась истерика, но потом... Потом абсурдность ситуации накрыла и его. Принц крови, наследник трона, будущий обладатель боевого жезла княжества Ратирского, стоит посреди чужой кухни в рванье, оправдывается перед девчонкой с деревянной ложкой и урчит животом, как бездомный кот.

Он прыснул. Сначала тихо, зажимая рот рукой, чтобы не шуметь, а потом захохотал в голос, сгибаясь пополам от смеха и боли в сведенных голодом мышцах.

— Социальная неловкость! — простонала Яра сквозь слезы, выступившие от смеха. — Ох, боги плодородия, дай мне сил! Первый раз граблю человека, который извиняется за нарушение моего личного пространства!

Смех оказался лучшим оружием против страха. Через минуту они оба сидели на перевернутых деревянных ящиках друг напротив друга. Половник мирно лежал на столе. Яра протирала глаза тыльной стороной ладони, оставляя на лице

светлые полосы чистой кожи.

— Меня зовут... Эл, — представился принц, вовремя прикусив язык. Называть свое полное имя было самоубийством. Даже сокращенное звучало подозрительно аристократично, но выбирать не приходилось. — А вы... вы ведь та самая новая хозяйка? Которая вчера кричала на печь?

Яра поперхнулась воздухом.

— Ты слышал? Ах да, стены здесь картонные, а легкие у меня луженые. Значит, ты прятался где-то рядом еще до того, как вошел?

— Я ждал, пока погаснет свет в окне, — честно ответил Элиан. — Но вы продолжали греметь кастрюлями в полночь. Вы всегда спорите с печами?

— Только с этой, — буркнула Яра, кивнув на чугунное чудовище в углу. — Она завидует газовой духовке старого Мойши. Говорит, что у той нет души. А сама выпускает весь жар в трубу, когда мне нужно двадцать дюжин эклеров к утреннему заседанию купеческой гильдии. Приходится вести переговоры. Иногда помогает угроза рассказать всему кварталу про ее трещину сзади.

Элиан снова улыбнулся. Впервые за много дней — спокойно, без оглядки через плечо.

— У вас удивительный способ справляться с трудностями.

ми. Обычно люди просто бьют посуду.

— Бить посуду — это непроизводительные расходы, — серьезно ответила Яра, вставая. — Особенно мою. Она досталась мне от матери. Лучше поговорим о ваших проблемах, Эл. Где вы планировали встретить рассвет?

Вопрос повис в воздухе. Элиан посмотрел на свои руки. Мозолистые, грязные, совсем не похожие на руки принца, привыкшего лишь держать бокал с вином и подписывать указы.

— Под мостом, наверное, — пожал он плечами. — Или в старых складах у реки. Там тепло от воды, если прижаться к камням. Главное — успеть уйти до смены портовой охраны. Они любят развлекаться, гоняя таких, как я, баграми.

«Таких, как я». Эта фраза резанула слух. В устах этого заморыша она звучала как приговор. Приговор системе, которую построил его отец. Люди спят на камнях, пока король планирует династические браки ради боевых жезлов.

— Под мостом холодно, — отрезала Яра, открывая тяжелый дубовый ларь. — От реки тянет сыростью, к утру у вас сведет поясницу так, что вы будете ходить буквой "Г" до следующей зимы. А на складах крысы размером с собаку. И те самые портовые охранники, которые считают, что бесплатный мальчишка полезнее, чем пара медяков.

Она достала краюху свежего, еще теплого хлеба, круг сыра, завернутый в чистую тряпицу, и крынку молока. Поставила еду на стол перед Элианом.

От вида настоящей, простой еды у принца потемнело в глазах. Он потянулся к хлебу дрожащими руками.

— Ешьте, — сказала Яра, присаживаясь обратно. — Медленно. Если накинётесь, вас вырвет желчью, знаю по опыту. Когда бежишь из дома, первые сутки вообще лучше пить только воду.

Элиан замер с куском сыра в руке. Он поднял на нее взгляд.

— Вы догадались? Что я... ну...

— Что вы не местный карманник? — закончила за него Яра, задумчиво глядя на огонь печи. — Догадалась. Карманники не знают слова «социальная». И они умеют открывать задвижки снаружи, а не ломиться в открытую дверь, пугая спящую хозяйку. Кроме того, ваши ногти. Они коротко стрижены, но форма... Форма говорит о том, что вы никогда не драили палубу и не чистили рыбу. Вы привыкли работать головой. Или мечом, но изящно. Дворянское воспитание выдает себя быстрее, чем герб на пряжке.

Она попала в точку. Элиан машинально спрятал руки под

стол. Как глупо. Бежал от одного разоблачения, чтобы по-
пасться на другом.

— Вам... вам нужна награда? — хрипло спросил он. —
Золото? У меня есть немного. Был медальон...

— Мне нужен работник, — перебила его Яра. — Бесплат-
ный, выносливый и желательно умеющий держать язык за
зубами.

Элиан нахмурился.

— Я не лакей.

— А я не благотворительное общество имени Святого Ва-
лентайна, — парировала Яра. — Посмотрите вокруг, ваше
высочество. Видите эту гору посуды? Сто сорок две тарелки,
тридцать вилок, восемьдесят ложек и пять парадных соусни-
ков, которые моя мачеха называла «позорным мещанством»,
а теперь они — единственное мое наследство. Их никто не
моет сами. Магистр Вит, кажется, умел вызывать элементаря
воды, но я могу вызвать только мигрень.

Она встала, подошла к раковине и демонстративно
провела пальцем по жирной тарелке.

— Утро начнется через четыре часа. Мне нужно тесто на
завтра, закупка продуктов на рынке, отчет для налоговой пе-
чати господина Пыжикова и эта треклятая посуда. Я пред-
лагаю сделку. Вы остаетесь здесь. На полу возле печи доста-
точно места, старый тулуп чистый. Еда — утром и вечером.

А взамен... — она сделала паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. — Взамен вы превращаете эту гору свинца и глины в стопку стерильного сияния. До блеска. Чтобы я видела в них свое отражение и плакала от умиления.

Элиан смотрел на гору посуды. Высота Эвереста показала бы ему сейчас легкой прогулкой. Мыть посуду. Ему. Человеку, которому целыми провинциями мыли ноги в знак покорности.

Но желудок требовательно свело спазмом от запаха сыра. Тепло кухни наконец-то пробрало его до костей, заставив расслабиться сведенные морозом мышцы. А главное — впервые за эти дни кто-то предложил ему не милостыню, а сделку. Равноправную, пусть и издевательскую.

— Я... я плохо справляюсь с жиром, — попытался он сохранить остатки достоинства. — Во дворце этим занимались специальные артефакты-слюнтяи.

— Придется вспомнить, как работают руки, — жестко отрезала Яра. — Песок, горчица и кипяток. Слева чистая вода для полоскания. Справа — сушилка. Инструкции просты, справится даже выпускник академии дипломатии. Решайте, Эл. Либо камни и крысы под мостом, либо губка и звание главного посудомоя столицы.

Она отвернулась к печи, давая ему иллюзию выбора. Иллюзию, потому что выбора не было. Ни у него, ни у нее. Ей отчаянно нужны были лишние руки, а ему — крыша, которая не протекает.

— Хорошо, — выдохнул Элиан. — До утра. И мыть буду левой рукой, правая... не в форме.

—левой так левой, — легко согласилась Яра, снимая с крючка большое льняное полотенце. — Левши обычно отмывают углы тщательнее. Чувствуют вину за неудобство. Вот ваша скамья. — Она кивнула на широкую доску, перекинутую между двумя бочками. — Спать жестко, зато позвоночник скажет спасибо. Правила простые: огня не зажигать, дверями не хлопать, мои личные вещи в сундуке не трогать. Фею на полке тоже гладить нельзя, она кусается магией.

Элиан проследил за ее взглядом. На верхней полке, среди банок с гвоздикой, стояла маленькая стеклянная фигурка. В тусклом свете свечи казалось, что крошечная женщина внутри стекла шевельнула крыльями.

— Понял, — кивнул принц. — Не трогать фею. А как вас называть? Раз уж я ваш временный подчиненный.

Яра остановилась на пороге в свою каморку за шторкой. Обернулась. Усталость снова залегла глубокими тенями под

ее глазами, но в уголках губ пряталась улыбка.

— Яра. Для друзей — Яра. Для тех, кто плохо моет соусники — госпожа мученица кулинарного фронта. Выбирайте обращение по результатам вашей работы.

Она ушла за шторку, оставив щелочку света из своей комнаты. Звякнула пружина кушетки.

Элиан остался один на один с горой посуды и теплом. Он подошел к раковине. Рядом стояло жестяное ведро с песком и банка с желтоватой горчицей. Никакой магии. Только физика, химия и адский труд.

Он закатал рукава рваного манжета, обнажая тонкие, но неожиданно сильные запястья. Сунул руки в ледяную воду, оставшуюся с вечера. Холод обжег кожу. Элиан взял первую тарелку, покрытую застывшим медом.

— Ну что, сир, — тихо сказал он самому себе, посыпая тарелку песком. — Кажется, карьера венценосной особы делает крутой поворот. Поздравляю с вступлением в должность судомоя Ее Кондитерского Величества.

Он принялся тереть фарфор с таким ожесточением, словно соскребал с него собственную прошлую жизнь. Песок скрипел, горчица пенилась, а за стеной, в комнате Яры, мер-

но тикал какой-то механизм.

За окном начинал сеять мелкий осенний дождь, размывая очертания Нижнего города. Но здесь, в маленькой кухне, пахнувшей ванилью и честным трудом, впервые за долгое время было абсолютно безопасно.

А на соседней улице, в роскошном особняке купца Ярового, мажордом только что обнаружил распахнутое окно библиотеки и исчезновение шкатулки с семейными рецептами. Поиски беглянки начнутся с рассветом. Но в «Полочке с чудесами» об этом пока никто не знал. Единственным звуком оставался шум льющейся воды и тихое, довольное сопение человека, который нашел ночлег.

Глава 3. Кухня как убежище

Утро началось не с фанфар и не с звона парадных шпор, а с оглушительного треска раскалываемого полена. Элиан подскочил на своей импровизированной постели — широкой дубовой доске между бочками из-под рома — и инстинктивно дернулся к поясу за мечом. Пальцы схватили пустоту. Вместо тяжелой рукояти бастарда в ладонь ткнулся угол жестяного ведра.

За шторкой, отделяющей каморку Яры от кухни, уже горел свет. Сквозь щель пробивалась узкая полоса желтого сияния, пахнувшая озоном и мокрой шерстью. Вчерашний дождь закончился, оставив после себя ту специфическую городскую сырость, которая проникает даже сквозь толстые стены подвала.

— Если вы планируете спать до обеда, Эл, то знайте: тесто для круассанов ждать не умеет, оно поднимается быстрее, чем налоги моего отца, — раздался бодрый голос Яры. — Дрова сами себя не наколют, а вода сама в раковину не поднимется, несмотря на все ваши аристократические таланты.

Элиан сел, протирая глаза костяшками пальцев. Тело ны-

ло так, словно ночью по нему проехала кавалерия. Спина затекла от жесткой доски, шея отказывалась поворачиваться, а руки... Руки представляли собой жалкое зрелище. Кончики пальцев сморщились от холодной воды, суставы покраснели, а под ногтями навсегда, казалось, въелась белая кайма от жира.

Вчера он вымыл сто сорок две тарелки. Сто сорок две. Он считал их, чтобы не сойти с ума от монотонности. Когда последняя тарелка была поставлена на сушилку, небо за окном только начало сереть. Яра вышла из-за шторы, молча кивнула ему на скамью, бросила старый, но чистый овчинный тулуп и исчезла. Проспал он от силы часа три.

— Иду, госпожа мученица, — прохрипел Элиан, вставая.

Кухня встретила его паром. Настоящим, густым, тяжелым паром кипящего молока. Яра, похожая на взъерошенного рыжего воробья, металась между столом и печью. Одной рукой она взбивала что-то в медной миске венчиком с такой скоростью, что воздух вокруг гудел, другой — ловко управлялась с длинной лопатой, вытаскивая из чрева печи первый противень.

Золото. Воздух был наполнен запахом карамелизирующегося сахара и горячего масла. Это было похоже на магию выс-

шего порядка, но магии здесь не было. Только точный расчет времени, температуры и грубая физическая сила.

— Лопату на крюк, дрова в ящик, воду вон в тот котел, — бросила Яра, не оборачиваясь. Ее нос и подбородок были припорошены мукой. — И ради всех богов сладкой выпечки, снимите этот плащ. От него пахнет портовым трактиром и отчаянием. У меня тут приличное заведение, клиенты могут подумать, что я подаю паштет из крыс.

Элиан стянул с плеч мокрую тряпку, служившую ему одеждой со вчерашнего дня, и повесил ее на гвоздь у входа. Под плащом обнаружилась нижняя рубашка, некогда белоснежная, а теперь приобретающая благородный оттенок дорожной пыли.

Он подошел к котлу. Вода вчера действительно казалась ледяной, но сегодня печь успела прогреть кирпичный щит, и металл приятно грел ладони. Элиан взял тяжелую деревянную бадью. Мышцы, протестовавшие еще полчаса назад, вдруг отозвались привычной тяжестью. Странное дело: носить рыцарские латы весом в полцентнера годами считалось почетным долгом воина, а таскать воду для мытья посуды два часа оказалось более изнурительным испытанием. Но боль в спине постепенно отступала, сменяясь странным, почти забытым чувством полезности.

— Вы двигаетесь тише, чем вчера, — заметила Яра, сбавляя темп взбивания. Крем в миске начал превращаться в глянцево-белые пики. — Перестали спотыкаться о порожки. Привыкли?

— Дворцовые лестницы коварнее, — ответил Элиан, опуская пустую бадью. — Там ступеньки разной высоты специально, чтобы враги ломали шеи при покушении. Здесь просто кривой пол.

Яра впервые за утро улыбнулась краешком губ и указала половником на разделочный стол.

— Хватит философии. Лук сам себя не порежет. Нам нужен луковый мармелад к сыру. Слева мешок, справа доска. И постарайтесь оставить себе хотя бы пару пальцев к завтраку.

Элиан замер над разделочной доской. Мешок лука выглядел как осадное орудие. Мелочь, сущий пустяк для любой кухарки. Принцев этому не учили. Их учили каллиграфии, тактике боя верхом, семи иностранным языкам и истории династии. Рубить головы врагов — пожалуйста. Шинковать овощи — это занятие для простолюдинов.

Однако память — вещь предательская.

Ему семь лет. Огромная королевская кухня кажется це-

лым городом. Жарко, шумно, сотни людей движутся в сложном танце. Маленький принц прячется за колонной, сбежав от скучного учителя геральдики. Из своего укрытия он видит, как главный повар, грузный мужчина с усами как у моржа, берет к себе в ученики худого, вечно голодного мальчишку-конюшего. Тот мечтает стать оруженосцем, но пока учится держать нож правильно.

Тайные уроки начались случайно. Мальчишка-поваренок заметил любопытные глаза принца и вместо того, чтобы позвать стражу, сунул ему в руку очищенную морковь.

— На-ка, вашество, погрызите. Только стойте тихо, а то мэтр Пьер увидит — нам обоим уши оборвет.

Так, день за днем, прячась от гувернеров, Элиан постигал великое искусство выживания. Не стратегию захвата замков, а науку о том, как сделать так, чтобы бульон был прозрачным, а соус не свернулся. Поваренок учил его «золотому правилу трех»: соль, кислота, жир. Учил чувствовать температуру печи по запаху дыма. Эти знания считались низкими, постыдными для наследника короны. О них нельзя было рассказать отцу.

Но сейчас пальцы Элиана вспомнили всё раньше, чем разум успел возмутиться.

Он выбрал крепкую луковицу фиолетового сорта. Положил на доску. Снял верхнюю шелуху. Нож лежал рядом — обычный кухонный тесак с лезвием, сточенным до толщины иглы. Не изящная дворянская рапира, а честный рабочий инструмент.

Принц перехватил рукоять. Левая рука (по условиям сделки с Ярой именно она должна была стать основной) легла на макушку луковицы, поджимая пальцы внутрь — классическая «когтистая лапа», защищающая фаланги. Правая рука подняла нож.

Движение вышло плавным, хищным. Разрез пополам — лезвие прошло сквозь слои плоти без малейшего сопротивления, ровно по меридиану. Снята тонкая пленка. И вот тут началось самое сложное. Идеальная соломка.

Взмах — отступ. Взмах — отступ.

Лезвие застучало по доске размеренно, как метроном. Тук-тук. Тук-тук. Элиан прикусил нижнюю губу, полностью сосредоточившись на процессе. Лук ложился на доску ровными, полупрозрачными лепестками идеальной геометрии. Ни одного лишнего движения. Никакой спешки.

Это было сродни медитации или бою на легких клинках.

Контроль дыхания, контроль кисти. Полная гармония человека и железа.

— Ничего себе, — присвистнула Яра, заглядывая ему через плечо. Она закончила выкладывать эклеры на решетку и наконец обратила внимание на тишину. — Где ж вас так на-таскали? Выглядит так, будто вы не лук режете, а вражеский гарнизон крошите. Ровно-то как!

Элиан вздрогнул, выходя из транса. Лезвие ножа замерло в миллиметре от его собственного большого пальца.

— Э-э... практика, — соврал он, чувствуя, как краснеют уши. Сказать правду про тайные свидания с королевским кашеваром было выше его сил. — Приходилось помогать на охотах...

— На охотах обычно жарят мясо целиком на вертеле, — хмыкнула Яра, возвращаясь к своей миске. — Ну да ладно, секреты профессии так секреты. Ссыпайте в сотейник. Да осторожнее, не рассып...

Она не успела договорить. Элиан, довольный своим мастерством, резко махнул ножом, собирая нарезанную массу на лезвие, чтобы элегантно сбросить ее в медный сотейник.

И тут законы физики вступили в свои права. Остаточная влага на ноже сработала как катапульта. Один самый наглый,

самый острый кусочек фиолетового лука сорвался с кончика лезвия и по идеальной баллистической траектории попал принцу точно в левый глаз.

Реакция потомственного воина сработала мгновенно. Элиан взвыл, бросил нож (тот воткнулся в столешницу с глухим стуком, заставив Яру подпрыгнуть) и рухнул на стул, закрыв лицо руками.

— А-а-а! Свет! Я ослеп! Демоны нижнего мира! Оно жжется!

Яра медленно обернулась. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она скрестила руки на груди, опираясь бедром о край стола, и посмотрела на скорчившегося принца сверху вниз. В глазах плясали бесовские огоньки веселья.

— Добро пожаловать в клуб, — невозмутимо произнесла она. — Устав клуба простых смертных гласит: пункт первый — лук всегда побеждает. Пункт второй — неважно, насколько круто ты выглядишь с тесаком, перед луком все равны. Даже те, кто планирует захватить мир до полудня.

Элиан сидел, уткнувшись лицом в колени, и жалобно поскуливал. Жжение действительно было адским, словно в глаз плеснули расплавленным свинцом.

— Это биологическое оружие, — прохрипел он из-под колен. — Его надо запретить конвенцией. Почему никто мне

не сказал?!

— Потому что страдать вместе веселее, — философски заметила Яра. Она подошла к кадке с водой, зачерпнула полную кружку и плеснула туда щедрую ложку из кувшина с молоком. — На-ка, умойся. Молоко нейтрализует кислоту. И откройте же глаза, сударь, вы похожи на черепаху, которая боится высунуть голову из панциря.

Элиан осторожно принял кружку. Опустил в нее лицо, промывая пострадавший глаз. Холодное молоко принесло мгновенное облегчение. Он поднял голову, часто моргая. Ресницы слиплись белыми комочками, делая его похожим на больного сенную лихорадкой зверька.

Яра смотрела на него секунду, а потом плечи ее затряслись. Сначала беззвучно, потом прорвалось сдавленное фырканье, и через мгновение кондитерская содрогалась от хохота.

— Ваше Высочество... — выдавила она между приступами смеха, держась за живот. — Умоляю... Посмотрите на себя... Спаситель королевства рыдает над луковицей... Мой золотой противень... он этого не переживет...

Элиан сначала хотел обидеться. Натянуть на лицо маску оскорбленного достоинства, напомнить о своем происхожде-

нии и потребовать сатисфакции. Но глядя на эту перемазанную мукой девчонку, которая буквально складывалась пополам от смеха, он почувствовал, как внутри лопается какая-то тугая струна. Та самая, что держала его в напряжении с момента побега.

Он посмотрел на свое отражение в начищенном боку медной кастрюли. Белые молочные усы, красный глаз, растрепанные волосы. Жалкое, нелепое, абсолютно счастливое зрелище.

И он рассмеялся тоже. Громко, искренне, запрокинув голову. Смех выходил из него вместе со страхом последних дней, вместе с тревогой за короля-отца, которого он оставил, вместе с ужасом перед княгиней Ратиркой и ее фальшивым жезлом.

Они стояли посреди кухни — хозяйка разоренной кондитерской и беглый принц — и хохотали до слез, до боли в скулах, пока колокол на соседней башне не пробил шесть утра.

Слезы высохли быстро. Работа не ждала.

Луковый мармелад требовал внимания. Теперь процессом руководила Яра, а Элиан стал ее руками и ногами. Они выстроили ритм, который бывает только у очень старых пар

— танцевальных партнеров или напарников-грабителей.

Яра командовала:

— Огонь ниже! Сахар пошел гореть по краю! Ложку бери, мешай от центра к краям, воронкой! Нет, не царапай дно, медь капризная!

Элиан подчинялся беспрекословно. Его тело, обученное сложным военным экзерсисам, идеально выполняло эти простые команды. Круговое движение запястьем для помешивания превратило процесс в гипнотический танец. Запах жареного лука, сливочного масла и тростникового сахара заполнил кухню, вытесняя остатки ночной сырости.

— Знаешь, — сказала Яра спустя час, когда мармелад приобрел нужный янтарный цвет и густой, тягучий блеск. Она сняла сотейник с огня и устало опустилась на табурет. — Я ведь тебя чуть не выгнала вчера. Когда ты назвался «Элом». Думала, какой-нибудь сынок богатенького торговца решил поиграть в бродягу. Слишком чисто говоришь. Акцент выдает. Северный квартал? Близко к дворцовому холму?

Элиан замер с половником в руке. Сердце пропустило удар. Вот оно. Момент истины. Сейчас она спросит прямо, потребует доказательств, и снова придется бежать — на этот

раз в настоящий дождь, под мост.

— Допустим, — осторожно ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Какое это имеет значение? Тарелки мытые, лук порезан, клиент доволен.

Яра долго смотрела на него, прищулив свои зеленые, цвета крепкого чая, глаза. Взгляд был оценивающим, цепким, совсем не девичьим. Так купец смотрит на партию сомнительного товара, пытаясь понять, где спрятан изъян.

— Значение имеет всё, — наконец вздохнула она. — В этом городе титулы значат больше, чем умение дышать. Если твой отец узнает, что дочь купца Ярового приютила его отпрыска... Нас обоих утопят в реке, завернув в собственные перины. Чтобы роскошно тонуть.

— Мой отец занят подавлением мятежа на границе, — сухо отрезал Элиан. Ему внезапно стало холодно. — Ему нет дела до одной лишней кухни в Нижнем городе. Мы договорились: я мою посуду, ты даешь мне крышу. Сделка остается в силе?

Яра помолчала, постукивая пальцами по столу. Ритм был неровным, тревожным. Затем она встала.

— Сделка остается в силе, — кивнула она. — Но правила меняются. Больше никакой болтовни о прошлом. Меня зовут Яра. Ты — Эл. Ты мой помощник на кухне. Если придет

стража — ты глухонемой сирота из приюта Святой Агаты, который я взяла из жалости. Понял?

— Понял, — выдохнул Элиан. Легкие снова начали пропускать кислород. — Приют Святой Агаты. Глухонемой. Я умею выразительно мычать.

— Очень надеюсь, что проверять не придется, — она слабо улыбнулась и толкнула к нему по столу бумажный кулек. — Держи. Первая зарплата. Купи себе нормальные штаны. В этих лохмотьях ты привлекаешь больше внимания, чем голый менестрель на площади.

Внутри оказались две серебряные монеты. Целое состояние по меркам Нижнего города. Элиан смотрел на них, не решаясь дотронуться.

— Это слишком много за мытье посуды и одну луковицу, едва не стоившую мне зрения.

— Это аванс, — отрезала Яра, уже копаясь в шкафу со специями. — За то, что ты спас мои круассаны. И за молчание. Одевайся, выдвигаемся через двадцать минут. Сегодня пойдем на Большой рынок. Тебе нужно научиться выбирать масло так, чтобы лавочник не всучил тебе перетопленный свиной жир по цене золота.

Большой рынок встретил их какофонией звуков и запахов. Для Элиана, привыкшего покупать всё через интендантскую службу дворца или закрытых поставщиков отца, это ме-

сто было культурным шоком. Здесь кричали чайки, дрались торговки рыбой, ревели ослы, и воздух дрожал от сотен человеческих голосов.

Яра шла сквозь толпу уверенно, как ледокол сквозь весенний лед. Она не церемонилась.

— Посторонись, корзинка! — рывкала она на зазевавшихся кумушек. — Эй, мясник, твоя говядина видела царя Гороха! Сбрось цену вдвое или я расскажу твоей жене, куда ты ходишь по четвергам!

Люди расступались перед ней. Эту невысокую девушку в заляпанном мукой переднике знали. Она была частью механизма жизни Нижнего города — такая же необходимая, как водоносы или фонарщики.

Элиан следовал за ней, стараясь повторять ее походку — слегка вразвалочку, шаркая пятками, суталя плечи. Свой новенький кожаный кошель он спрятал глубоко за пазуху. Покупка штанов отложилась: увидев цены на качественное полотно, Элиан понял, почему Яра дала ему серебро вперед. Жизнь вне дворца оказалась баснословно дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.